

УДК 323.1(=411.16)(450)
ББК 66.5(=611.215)(4Ита)

ЕВРЕИ – СНАЧАЛА БУРЖУА, ЗАТЕМ ВРАГИ, А ПОТОМ ЖЕРТВЫ: ПОВОРОТ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА К РАСИЗМУ В 1938 ГОДУ*

Франклин Хью Адлер,
профессор политологии им. Теодора Митау
колледжа Макалестер
(Сент-Пол, США)
adler@macalester.edu

Перевод с английского Л. А. Кац

Аннотация. В отличие от расхожих интерпретаций расистского законодательства 1938 г., трактующих его как кульминацию уже имевших место антисемитских тенденций внутри итальянского фашизма, я утверждаю, что расистские законы 1938 г. представляют собой радикальный разрыв с предшествующим ходом развития фашизма, вызванный кризисом легитимации в 1937 г. Представители всего спектра фашистских объединений во главе с университетскими группами и трудовыми синдикатами утверждали, что режим утратил свою динамику и впал в бюрократический застой, несмотря на продолжающуюся революционную риторику. На эту критику Муссолини дал ответ в 1938 г., начав идеологическую кампанию против буржуазии (кампания *antiborghese*), конкретной целью которой, в частности, стали евреи как воплощение «буржуазного духа».

Ключевые слова: антисемитизм, буржуазия, фашизм, евреи, идеология, Италия, трудовые синдикаты, радикальный национализм, духовный расизм, молодежные группы.

JEW AS BOURGEOIS, JEW AS ENEMY, JEW AS VICTIM OF FASCISM: ITALIAN FASCISM'S TURN TOWARD RACISM IN 1938.

Franklin H. Adler,
G. Theodore Mitau Professor of Political Science,
Macalester College, Saint Paul, Minnesota, United States of America

Abstract. In contrast to those interpretations of the racial legislation of 1938 as the culmination of earlier anti-Semitic tendencies within Italian Fascism, I argue that the racial laws of 1938 constituted a radical break with prior development precipitated by a legitimization crisis in 1937. A whole spectrum of fascist associations, led by university groups and labour syndicates, argued that the regime had lost its dynamism and fallen into bureaucratic stasis, despite a rhetoric of revolution. Mussolini confronted this criticism in 1938 by launching an ideological campaign against the bourgeoisie (the *antiborghese* campaign), in particular the “bourgeois spirit” incarnated by the Jews as the one specific target.

Key words: anti-Semitism, bourgeoisie, fascism, Jews, ideology, Italy, labour syndicates, radical nationalism, Mussolini, spiritual racism, youth groups.

Восьмидесятишестилетнего Элио Морпурго стащили с больничной койки в Удине и отправили в Освенцим. В пути он умер, и его тело выбросили

из поезда на рельсы. Когда-то Морпурго был мэром Удины, а также депутатом и сенатором парламента. В списке его государственных должностей между

* Статья впервые опубликована на английском языке в журнале *Modern Judaism*. – 2008. – Vol. 28, № 3. – P. 306-326.

1906 и 1919 гг. были посты в кабинетах министров, возглавляемых Соннино, Боселли и Орландо, но умер он в 1944 г. как еврей, проживающий в «Итальянской социальной республике», будучи враждебным иностранцем в соответствии с пунктом семь «Веронского Манифеста» [1].

Примерно пятнадцать процентов итальянских евреев погибли тогда, когда осенью 1943 г. в Италии начался Холокост. Произошло это после того, как Муссолини потерял власть, но затем возглавил марионеточное государство, созданное немецкими оккупантами на севере Италии. В печальный список жертв попали, с одной стороны, такие известные фигуры, как Морпурго, университетские профессора, художники и писатели, а с другой, мало кому известные люди, единственным преступлением которых было то, что они родились евреями.

В популярной литературе о Второй мировой войне и Холокосте часто «плохим немцам» противопоставляются «хорошие итальянцы». Принято считать, что в те годы десятки тысяч евреев были спасены неевреями – итальянцами всех мастей, в том числе фашистами. Действительно, по проценту спасенных еврейских граждан Италия занимает второе место после Дании, хотя в последнее время некоторые специалисты подвергают сомнению это утверждение, напоминая, что немецкая оккупация Италии произошла лишь в конце войны, была сравнительно короткой и географически ограниченной севером страны. Вместе с тем, мы теперь знаем, что десятки тысяч итальянцев служили в финансируемом немцами государственном аппарате, который преследовал евреев и присваивал их собственность, что примерно половина арестов евреев была произведена итальянцами.

Облавы на итальянских евреев значительно облегчали их списки и перечни собственности, которые были собраны на заключительном этапе фашистского режима, продолжавшегося с октября 1938 по июль 1943 гг., причем правительство, сменившего Муссолини Бадольо, ничего не сделало, чтобы уничтожить или скрыть эту информацию.

Уязвимость ситуации, в которой оказались евреи, была также следствием того, что, в соответствии с расистским законодательством 1938 г., они были отнесены к гражданам второго сорта. Согласно этому законодательству, ограничение права евреев заниматься определенными профессиями или бизнесом сопровождалось запретом еврейским детям посещать государственные школы и повсеместным увольнением евреев учителей и университетских преподавателей, как и других государственных служащих и кадровых военных. Еще до того, как первый немецкий солдат ступил на итальянскую землю,

евреи уже в течение четырех лет были мишенью государственной дискриминации и подвергались очернению и изоляции, осуществлявшихся их собратьями-итальянцами.

Цель этой статьи – невмешательство в нынешние дискуссии о Холокосте в Италии, о виновности или невиновности «хороших» или иных итальянцев. Автор намерен сосредоточиться на уяснении того, почему, после пятнадцати лет пребывания у власти, Муссолини вроде бы неожиданно начал атаку на евреев, каким образом это решение было идеологически узаконено, и почему после войны то, что случилось с итальянскими евреями, не попало в первые описания Холокоста.

В ходе триумфальной антифашистской кампании, возвестившей миру о создании новой послевоенной республики, евреи были лишены своей особости и просто отнесены к категории жертв фашизма, как будто они стали жертвой дискриминации в как бы недифференцированном смысле, в силу своей принадлежности не к «евреям», а к «антифашистам». Как мы увидим, целенаправленное игнорирование фашистского антисемитизма и тяжелого положения итальянских евреев представляло собой сознательную попытку ряда интеллектуалов похоронить эту постыдную историю, произошедшую еще до того, как Муссолини лишился власти. По сути дела, ни один из них не осудил расистское законодательство 1938 г. и не проявил значимой солидарности со своими пострадавшими еврейскими коллегами и друзьями.

Культурные противоречия политики итальянского фашизма в 30-е годы

В 20-е гг. фашистский режим был сосредоточен почти исключительно на ликвидации истоков оппозиции и установлении авторитарного институционального порядка, которым бы заменил предыдущий – либеральный. Тоталитарные устремления удавалось сдерживать за счет компромиссов, которые Муссолини, стремившийся обеспечить себе поддержку, заключал с традиционными либеральными элитами, особенно с промышленниками. В свою очередь, эти элиты, надеявшиеся как можно дольше сохранять «статус кво», постоянно подвергались атакам непримиримых фашистов, добивавшихся немедленного установления «нового порядка».

К началу 1930-х гг. диктатура окончательно утвердилась, но без всякого видимого продолжения того проекта, который был заявлен в предыдущее десятилетие. По мере установления диктатуры происходило ослабление традиционных элит. Затем их автономия была подорвана наступлением Великой депрессии, повысившей зависимость промышлен-

ности от помощи государства. Капитализм, если не само индустриальное общество в целом, пребывал в кризисе. Некоторые даже считали, что он, возможно, станет окончательным. Как выразился тогда Муссолини, кризис внутри системы стал кризисом самой системы. В этой ситуации старые компромиссы с либеральной элитой перестали действовать, а установление автаркии привело к тому, что экономика Италии становилась все более «командной».

К началу 1930-х гг. жестокое подавление инакомыслия начало уступать место консенсусу. Хотя антифашистская историография не принимает этот термин и настаивает на том, что фашизм становился все репрессивнее, факт остается фактом. Новые обширные социальные программы Муссолини, его призывы к социальной справедливости, провозглашение корпоративизма в качестве нового, «третьего пути», между коммунизмом и капитализмом, а также щедрые субсидии культуре пользовались популярностью у населения. Признание этого не трудно найти и в трудах коммунистических лидеров, в том числе Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти.

По амнистии 1932 г., приуроченной к празднованию десятой годовщины марша на Рим, были освобождены более половины заключенных, арестованных за оппозиционную деятельность. Не кто иной как коммунист Джорджо Амендола, который отбывал тогда срок в тюрьме, позже отмечал, что бывших заключенных оставляли в покое, если они воздерживались от политической деятельности, и что итальянский фашизм, в этом смысле, сильно отличался от немецкого нацизма [2].

К 1931 г., спустя шесть лет после убийства Маттеотти и антифашистского манифеста Кроче (подписанного более 400 интеллектуалами), Муссолини ввел в практику клятву верности фашистскому режиму, которую отказались принести лишь двенадцать университетских профессоров. Практически все университетские преподаватели, подписавшие ранее манифест Кроче, не только принесли клятву верности власти, но стали, в той или иной степени, сотрудничать с режимом. Интеллектуалы, превратившиеся впоследствии в известных антифашистов, например, Норберто Боббио и Антонио Банфи, не только подписали клятву, но, следуя расистскому законодательству 1938 г., официально уверяли, что в них не течет еврейской крови [3]. Единственным интеллектуалом того времени, который отказался это сделать, был сам Кроче. Конечно, неприятие требуемой клятвы и отсутствие документа, удостоверявшего «арийский статус», могли поставить под угрозу или прервать университетские карьеры. В этих условиях большинство итальянских интеллектуалов пошли на сотрудничество с режи-

мом, прибегавшему к политике кнута и пряника. И это явно пошло им на пользу.

В современной итальянской истории не было другой такой эпохи, когда культура получала столь щедрую поддержку. Как пишет Марла Стоун, Муссолини, до 1938 г. хотел видеть интеллектуалов в числе своих сторонников, не навязывая им какой-либо конкретной эстетики, как это имело место в сталинской России или же в гитлеровской Германии [4]. Аналитическая категория, используемая Стоун для описания такой практики, это «гегемонический плюрализм», при котором, нередко, допускаются серьезные дискуссии между носителями противоположных взглядов (например, традиционалистами и модернистами), и есть достаточно места для диссидентов и неконформистов. В любом случае, по мере развития итальянского фашизма после 1920-х гг., он вроде бы становился менее насильственным и более консенсусным, а интеллектуалы, действовавшие в его пределах, начали превращаться, как в объект, так и в субъект этого процесса.

К середине 1930-х гг. стало очевидным, что вступление в ГУФ (организация фашистской университетской молодежи) и участие в иницилируемых властью «ежегодных конкурсах» гарантирует элитный статус, обеспечивает продвижение по служебной лестнице, а также открывает амбициозным молодым людям путь во влиятельные и властные структуры университетов, учреждений культуры, государственного управления и, конечно, фашистской партии. Вступившие в ГУФ, автоматически становились ее членами, вне зависимости от того, являлись ли они фашистами по убеждению. Поэтому, буквально все те, кто стали после войны известными в академических кругах, в сфере культуры, журналистики и государственного управления, прошли, как и Норберто Боббио, через ГУФ. Соответственно, ее численность возросла с 8854 в 1927 г. до 75 436 в 1935 г. и до 105 883 в 1939 г. Ко времени падения режима в 1943 г. она составила 164 667 [5].

Рост рядов ГУФ был устойчивым и прямолинейным. Ни «непопулярные» расистские законы, ни союз с Германией, ни вступление во Вторую мировую войну не уменьшили числа ее членов. Поэтому не следует удивляться тому, что среди членов ГУФ побывало большинство итальянских знаменитостей, в том числе те, кто после войны не ассоциировались с фашизмом. Например, такие экономисты, как Паоло Силос Лабини и Гвидо Карли (будущий управляющий Банком Италии и Президент федерации «Конфиндустрия»), писатели Пьер Паоло Пазолини и Элио Витторини, философы Энцо Пачи и Антонио Банфи, историки Карло Моранди и Луиджи Сальваторелли, режиссеры Роберто Росселлини и Микелан-

джело Антониони, а также журналисты, например, Энцо Бьяджи и Индро Монтанелли.

Изданная недавно антология интервью [6] свидетельствует о том, что для этого поколения участие в деятельности ГУФ, и, особенно, в конкурсах, о которых шла речь выше, было самым ярким эпизодом в воспоминаниях об университетской жизни. В ряды ГУФ были завербованы многие незаурядные личности, в том числе те, кто стали впоследствии видными коммунистическими функционерами.

Показательна в этом смысле карьера Джузеппе Боттаи. В свое время его называли «фашистским Грамши». У него были амбициозные планы выращивания нового класса управленцев и установления культурной гегемонии фашизма. В свое время его непосредственное окружение называли «детьми Боттаи». Став министром образования, он лично раздавал своим молодым подчиненным посты, освобожденные в 1938 г. изгнанными евреями, и в то же время предлагал стипендии и покровительство неконформистским журналам и даже находящемуся на подъеме высококачественному «антифашистскому» издательскому дому Энауди.

В тридцатые годы организованный итальянский антифашизм пребывал в изоляции, находясь на политической периферии. Некоторые из социалистов-антифашистов, в том числе бывший мэр Милана, Эмилио Кальдара, искали примирения с режимом, поверив в его антикапиталистическую риторику и, якобы, грядущее превращение фашизма «в новую форму социализма». Социалистические лидеры профсоюзов, такие как Ригола и Бальдези, уже присоединились к режиму. Коммунистическая партия Италии (ИКП) выпустила в 1936 г. обращение «к нашим братьям в черных рубашках», призывая коммунистов и фашистов объединить усилия, чтобы реализовать фашистскую Программу 1919 г., которую они называли «демократической и прогрессивной» [7]. ИКП взяла тогда на вооружение тактику «внедрения», согласно которой члены партии должны были проникать в массовые фашистские организации и обращать внимание членов на невыполненные обещания и подталкивать их влево.

Не удивительно, что в этих условиях так называемое «второе поколение», («поколение Муссолини») – те, кто вырос и достиг совершеннолетия в тридцатые годы, полностью идентифицировали себя с режимом. Это касается и молодых евреев, многие из которых (например, начинающие писатели Фаусто Коэн и Джорджо Бассани) участвовали в конкурсах, а некоторые даже занимали руководящие должности в ГУФ. Вспоминая те годы, некоторые выходцы с юга Италии или сельских районов отме-

чали, что впервые встретились и подружились с еврейскими интеллектуалами своего поколения именно на проводимых им мероприятиях.

Даже уже в 1938 г. в конкурсе, который проходил в Палермо, принимали участие евреи, а еврей Энрико Рокка, известный автор и специалист по Германии, даже руководил одной из секций [8]. Обсуждался на ней текст книги Рудольфа Арнхайма, немецкого еврея, авторитетного специалиста по киноискусству, которого Муссолини пригласил в 1934 г. в Рим преподавать в новом центре экспериментального кино, размещенном в его личной резиденции «Вилле Торлониа». Арнхайм обучал молодых итальянских режиссеров, в том числе Пьеро Инграо, который получил поэтический приз на конкурсе, а затем занялся политикой и в конечном счете стал одним из коммунистических лидеров послевоенной Италии. Арнхайм также сотрудничал с престижным журналом «Синема», посвященным искусству, главным редактором которого был сын Муссолини Витторио. На конкурсе в Палермо в 1938 г., когда некоторые его участники впервые допустили антисемитские высказывания, были заявлены серьезные протесты. Именно участие в деятельности ГУФ, и, особенно, в конкурсах (на которых царила необычная свобода мнений) и позволило будущим антифашистам всей Италии впервые узнать друг друга и начать то общение, которое привело их, в конечном итоге, к оппозиции режиму.

Первоначально в основополагающих принципах и практике итальянского фашизма не было ничего того, что даже отдаленно напоминало антисемитизм. С самого начала в рядах фашистов насчитывалось немало евреев. В конечном итоге они составляли примерно около десяти процентов еврейского населения страны. Действительно, немало известных антифашистов были евреями. Вместе с тем, евреи занимали руководящие посты и в фашистских организациях, а также на государственной службе – от ректоров университетов, генералов и адмиралов до мэров городов, депутатов парламента, сенаторов и членов правительства.

В отличие от других европейских стран, таких как Франция, Австрия и Германия, в Италии уже в конце девятнадцатого века не было ни одного антисемитского движения или политической партии, риторику которых можно было использовать для политической мобилизации в межвоенный период. К 1938 г., когда в Италии были обнародованы первые расистские законы, небольшое городское еврейское население страны было полностью интегрировано в ее жизнь. Фиксировался даже самый высокий уровень смешанных браков по сравнению с другими еврейскими общинами Европы.

В либеральный период, после объединения Италии, проживавшие в ней евреи, благодаря большей образованности, продемонстрировали необычно высокие темпы мобильности и достигли выдающихся успехов, особенно в торговле, в правительственных сферах и в свободных профессиях. Несмотря на то, что они составляли лишь одну десятую процента населения, евреями были, к примеру, семь процентов всей университетской профессуры. К началу Первой мировой войны в Италии уже было три премьер-министра еврейского происхождения (Фортис, Соннино и Луццати). Для сравнения напомним, что во Франции до 1936 г. на такой высокой должности не было ни одного еврея.

Были, конечно, и фашисты-антисемиты, затевавшие время от времени полемику в прессе. Однако до середины 30-х гг. они оставались на обочине политической жизни. Имеется немало документов, свидетельствующих о реакции Муссолини на германский нацизм и, особенно, расизм. Изначально она была однозначно презрительной и враждебной. Рудольф Арнхайм был не единственным немецким евреем, искавшим убежища в фашистской Италии. Наряду с другими видными деятелями, в их числе можно назвать имена Макса Рейнхардта, Макса Офюльса, Макса Нейфельда и Вальтера Беньямина.

В своих мемуарах немецкий издатель-магнат Джордж Мосс вспоминает, что когда его семья прибыла в Рим, то в отеле его мать ждал букет цветов, присланный Муссолини. Джузеппе Боттаи, который, будучи на посту министра образования, в 1938 г. возглавил изгнание евреев из итальянских школ и университетов, в начале тридцатых годов был враждебно настроен по отношению к нацистскому режиму и к его антисемитской политике. В 1933 г. он вместе с философом Джованни Джентиле помог создать на итальянской земле частные школы для еврейских детей, родители которых вынуждены были бежать из Германии [9].

Помимо диффузной «левизны» (антикапитализм, корпоративизм, риторика социальной справедливости), которая была особо привлекательна для студентов и профсоюзных лидеров, идеологической установкой фашизма был радикальный национализм, выдвинувшийся на передний план с середины тридцатых годов. Как известно, такой национализм во многом предшествовал фашизму, получив дополнительные стимулы в десятилетие между 1912 и 1922 гг. (война Италии в Ливии, Первая мировая война, послевоенный кризис и фашистский марш на Рим). Главной идеей радикального национализма было расширение империи. Наиболее ярко она была сформулирована Энрико Коррадини, который утверждал, что Италия – это «про-

летарская нация», вступившая в борьбу против «наций плутократических». Нехватка финансовых ресурсов компенсировалась, по его мнению, демографическим потенциалом Италии, что в долгосрочной перспективе было важнее для ведения войн и территориальных захватов.

В 1920-е гг., тогда, когда Муссолини был занят, по-преимуществу, внутренней политикой и утверждением своей диктатуры, радикальный национализм пребывал в латентном состоянии. За исключением инцидента на Корфу в сентябре 1923 г. Муссолини до середины тридцатых годов в полной мере осознавал те ограничения, в рамках которых он должен был действовать, и не проявлял никаких экспансионистских или имперских притязаний. Так, он вел себя в высшей степени ответственно во время переговоров о Локарнском пакте, о плане Бриана и о австро-германском таможенном союзе. Его даже нередко хвалили за дипломатическое мастерство.

С вторжением и завоеванием Эфиопии (1935 г.) и последовавшими претензиями на средиземноморское господство (*mezus* «*mare nostrum*»), его позиции изменились. Тема «пролетарской нации» приобрела доминирующий характер. Это стало еще очевиднее после того, как Муссолини в июне 1940 г. ввязался во Вторую мировую войну. Он объявил ее «пролетарской войной», войной бедных людей против тех, кто «монополизировал все богатства мира», войну «молодого и плодovitого народа против находящихся в упадке бесплодных держав».

Как убедительно доказывает Эмилио Джентиле [10], радикальный национализм обеспечил «реализацию трансцендентного проекта», которого не было в 1920-е гг., когда Муссолини установил диктатуру, но не смог четко сформулировать причину, по которой он это сделал.

Радикальный национализм не был идентичен «диффузной левизне», о которой уже шла речь раньше. Тем не менее было не так уж и трудно соединить обе установки «в грандиозный синтез», в духе которого фашистскому государству предстоит «полностью трансформировать несчастную и коррумпированную Италию, унаследованную Муссолини от либералов, в великолепную имперскую нацию рабочих и солдат».

Эмилио Джентиле удачно назвал этот проект «антропологической революцией», так как заявленное намерение было не менее, чем ставкой на создание, согласно тогдашней терминологии, фашистского «нового человека». Ренцо Де Феличе именовал это «культурной революцией Муссолини». Общим для их подхода является понятие «тоталитарного государства», создающего новое общество. В данном случае, речь шла о фашистском тоталитарном

государстве, создающем не только новые институты, но и новых подданных, новых людей, новую расу.

В отличие от «диффузной левизны» начала тридцатых годов, радикальный национализм с самого начала сделал целью своих атак сионизм, в том числе международные еврейские финансовые организации, хотя в брошюрах, посвященных этой теме, обычно делалось различие между «международным еврейством», с одной стороны, и итальянскими евреями, с другой. Это различие исчезло в 1930-е гг., когда итальянские евреи, как утверждалось, отказались дистанцироваться от нападков евреев во всем мире на нацистский антисемитизм. С особой силой эта позиция стало проявляться по мере сближения Италии с Германией. Муссолини был убежден, что международные еврейские организации сыграли ведущую роль во введении Лигой Наций санкций против Италии после вторжения в Эфиопию. Он считал также, что те же самые анонимные международные еврейские организации были основным источником утверждения глобального антифашизма.

До этой поры Муссолини время от времени делал как филосемитские, так и антисемитские заявления – в зависимости от ситуации и возможных последствий. Например, в 1934–1935 гг. у него преобладали просионистские декларации, поскольку он тогда предполагал, что ему удастся посорить англичан с сионистами и превратить последних в итальянскую пешку на шахматной доске средиземноморской стратегии. Затем, после того как он, действуя вместе с немцами и нарастив антибританские установки, занял проарабские позиции, последовали антисионистские высказывания [11].

Вплоть до 1938 г. Муссолини в своих бесчисленных публичных выступлениях заявлял, что в Италии не существует «еврейского вопроса» и что в ней не рассматривается антисемитская политика. Однако в его частных беседах уже прослеживались антисемитские нотки. О зреющей позиции по этому вопросу можно было судить по разрешению, если не поощрению агрессивной антисемитской полемики в итальянской прессе, хотя еще не в журналах, издававшихся столпами фашистского «левого фланга» – ГУФ и профсоюзами, которые освещали, главным образом, вопросы социальной справедливости, корпоративизма и призывали осуществлять реальные антикапиталистические реформы.

Перейдем теперь к освещению вопроса, который долго игнорировался в исследованиях итальянского фашизма – о роли обещанных, но невыполненных общественных преобразований. Что происходит тогда, когда политическая революция не сопровождается революцией социальной?

Итальянский фашизм, конечно, совершил политическую революцию, которая коренным образом изменила общественные институты, установила новые политические принципы, создала новую политическую культуру и новый политический класс. Кроме того, в отличие от либерального государства, которое никогда серьезно не пыталось интегрировать массы в политическую жизнь, усилия фашистского итальянского государства была первой в истории Италии попыткой пусть чисто иерархически, но включить массы в общественную жизнь с помощью новых молодежных структур, организации досуга, трудовых синдикатов и программ социального обеспечения. Эти усилия были непродуманными и поверхностными, хотя довольно искренними, но не подымались до подрыва прерогатив частной собственности, классовых привилегий, до изменения социального порядка. Вот почему Муссолини должен был постоянно вновь и вновь «изобретать» самого себя и свой режим. Когда же к середине тридцатых годов внутренние ресурсы оказались исчерпанными, он, чтобы компенсировать растущий дефицит легитимности внутри страны, обратился к агрессивной внешней политике. Это также объясняет его переход к расизму, связанному с империализмом. Особенно заметным это стало после завоевания Эфиопии, когда Италия начала править огромным населением Северной Африки.

В этом лежит частичное объяснение кампании Муссолини против евреев, развернутой в 1938 г. Обычно его новую антисемитскую политику объясняют исключительно усилением дипломатических отношений Италии с нацистской Германией, и, как следствие, необходимостью согласования внутренней политики обеих стран. Тем не менее, есть все основания утверждать, что причины кампании против «евреев» генерировались также изнутри.

К 1937 г. режим Муссолини подвергался нападкам со всех сторон. Ему ставили в вину провалившиеся экономические и социальные реформы и, особенно, негативные последствия корпоративистской реструктуризации продуктивного труда. Проблемы усугублялись ростом экономических трудностей, обусловленных не только Великой депрессией, но и общими бедами экономики, утратившей динамизм и страдающей бюджетным дефицитом, а также затяжным и непопулярным вмешательством Италии в гражданскую войну в Испании, а также колоссальными колониальными расходами. Вопреки идеологии, восхвалявшей имперскую экспансию, торговля Италии с колониями составляла в 1939 г. только два процента от общего объема торговли страны. По свидетельству Денниса Мак Смита, Италия тратила на колонии в десять раз больше их реальной ценно-

сти, в то время, как численность итальянцев в одном только Нью-Йорке в десять раз превышала численность населения всей итальянской колониальной империи [12]. Консенсус начала тридцатых годов начал трещать по швам, особенно среди «второго поколения», чей революционный аппетит лишь подогревался тем, что фашизм не выполнял своих обещаний оставаться «левым». Для этого поколения, а также для радикально-синдикалистских лидеров, были неоспоримы социальные преобразования Советского Союза, и поэтому все более привлекательным становился для них коммунизм.

Начиная с 1937 г., доклады разведки, предоставляемые Министерству внутренних дел [13], указывали на растущее массовое разочарование и недовольство режимом. Что еще хуже, в самой фашистской партии, в том числе на ее высшем уровне, усиливалась деморализация.

Отражают это состояние дневники, как Боттаи, так и зятя Муссолини и министра иностранных дел Галеаццо Чиано. Когда в 1937 г. коммунист Джорджо Амендола был освобожден из тюрьмы и вернулся в Рим, Боттаи и Чиано хотели встретиться с ним. Амендола был другом их детства, но, как «коммунистический функционер», он отказался от встречи. Позже он сожалел об этом, так как информация о недовольстве, на котором, несомненно, основывались их просьбы, могла оказаться полезной для КПИ и дать более полное представление о противоречиях внутри фашистской верхушки. Это недовольство привело впоследствии к отставке Муссолини на знаменитом заседании Большого фашистского совета 25 июля 1943 г. [14].

Столкнувшись с кризисом легитимации, Муссолини начал, так называемую, «антибуржуазную» кампанию, обещая нанести «буржуазии три удара кулаком в живот». Первые два из них были, мягко говоря, безобидны: введение, так называемого, «*passo romano*» – римского шага, итальянской версии военного гусиного шага, и кампания «*anti-lei*» – против вежливой формы местоимения, которое Муссолини считал не только архаичным, но и антинародным. Третьим ударом была лобовая атака против евреев, по словам Муссолини, «основных носителей буржуазного духа» [15].

Наиболее ярко эта позиция была выражена в речи Муссолини, с которой он выступил на Национальном совете фашистской партии в октябре 1938 г., когда официальная расистская кампания только начиналась. Муссолини утверждал, что «у врага нашего режима есть имя, и это имя «буржуазия». «Буржуазия», по его словам, не столько экономическая, сколько политико-моральная: пессимистическая, корыстная и паразитическая категория. Буржу-

азный дух стал «препятствием дальнейшему развитию», его надо «изолировать и уничтожить».

Вряд ли это был случайный порыв, так как во всех дневниках Боттаи и Чиано имеются многочисленные записи, которые фиксируют множество спонтанных резких выпадов Муссолини против буржуазии. В обоих дневниках содержатся его высказывания о том, что если бы у него было истинное понимание значения буржуазии, когда он был еще социалистом, то он бы возглавил такую безжалостную революцию, что та, которую возглавил «товарищ Ленин», показалась бы невинной шуткой [16].

Поскольку «буржуазный дух» отождествлялся с «еврейским духом», евреев сразу же стали отождествлять с буржуазией, а нападки на буржуазию незамедлительно превращались в нападки на евреев. За этим последовала дискурсивная игра, в рамках которой враждебность к капитализму и разочарования, вызванные тупиковыми корпоративистскими реформами, стали возлагаться на евреев и их сторонников, так называемых, «пиетистов» (в фашистской прессе их уничижительно называли «моральными уродами»). Для представителей фашистских «левых», в частности, профсоюзных лидеров, это был единственный санкционированный способ перенести «антибуржуазную» кампанию с небольшого числа евреев на всю буржуазию. Особенно очевидно это проявилось в статье Луиджи Фонтанелли, опубликованной в «Иль Лаворо фашиста» 4 сентября 1938 г. «Справедливо пишут, что не менее опасны, чем сами евреи, друзья евреев». В плохо завуалированной атаке против более широкого круга буржуазии, а не только евреев, Фонтанелли стремился, как он выразился, «заполнить серые зоны»:

«Расовая проблема, и, в частности, как результат, неизбежная антисемитская позиция фашизма, – продолжал он далее, – являются отличным реагентом для изоляции не только евреев, но и всех «серых зон», где под «мелкобуржуазным духом» прячутся те представители старых господствующих классов, чей девиз мог бы звучать так: «Я поменял свой значок, потому что так было удобно, и не более того». Поэтому «хорошо, что, благодаря расовой проблеме, революционный фашизм удваивает свою бескомпромиссную бдительность в отношении тех элементов, которые лелеют наиболее вредный и разлагающий индивидуалистический дух, имя которому – антифашизм... Те круги, которые демонстрируют слабую чувствительность к расовой проблеме, близки к тем, кто нечувствителен к коллективному духу, своему высшей цивилизации, кто не верит в корпоративизм и сводит его к системе, якобы придуманной, чтобы избежать, или отсрочить решение крупнейших социальных проблем нашего времени. Рево-

люция не остановится перед этими элементами и «серыми зонами», представляющими остатки чрезвычайно укоренившегося менталитета старой, тщеславной, пустой, интеллектуалистической и коварной Италии, в которой всем было удобно жить, но которую никто не боялся.... Теперь они узнают, что то была не просто вспышка молнии: пошел дождь, и дождь будет продолжаться» [17].

Единой концепции фашистского расизма никогда не существовало; это была сложная и противоречивая смесь биологических, духовных и политических компонентов, используемых различными субъектами в различных контекстах и в разные временные промежутки [18]. Однако, образ еврея, как классового врага, приобретал особую выразительность по двум важным причинам: во-первых, это была форма антисемитизма, сознательно используемая Муссолини, чтобы развернуть кампанию против евреев, а, во-вторых, способ нападения на евреев, который наиболее часто использовали интеллектуалы, особенно «второго поколения», и фашистские «рабочие лидеры». Как писал Эмилио Джентиле, особым проектом последней и самой радикальной фазы фашизма был запуск антропологической революции, которая должна была создать новый исторический субъект. Евреи, добившиеся эмансипации и относительного процветания в условиях предшествующего либерального государства, стали теперь рассматриваться как препятствие на пути «культурного преобразования», поскольку были исторически связаны «со старым, упадническим порядком» и с «питавшим его тлетворным буржуазным духом».

Атака на евреев привела к двум дополнительным результатам: во-первых, она помогла Муссолини преодолеть изоляцию Италии и укрепить стратегический альянс с Германией; во-вторых, определив «других» в качестве «врагов», она помогла сфабриковать внутри страны миф о новом фашистском человеке. Сфабрикованному им мнимому еврею приписывалось неприятие и активное противодействие новой Италии и новым итальянцам. Этот еврей был «фатально связан с либеральной Италией и буржуазией».

Сам Муссолини нутром ненавидел как одно, так и другое. Абстрактный образ мнимого еврея приобрел, таким образом, целенаправленную, четкую и конкретную форму. Он редко ставил вопрос о «реальных евреях». Скорее, речь шла, как правило, об идеологической проекции. Вместе с тем, как в кругу его подчиненных, так и в контексте тоталитарного режима, она, по иронии судьбы, приобрела собственную жизнь, далекую не только от реальных итальянских евреев, но также и от итальянского общественного мнения. Никогда, даже в отвратитель-

ном, спонсируемом государством журнале «Дифеза дела Рфцца», конкретные итальянские евреи целенаправленно не изображались как живое воплощение «буржуазного духа». Угрозу Италии таил в себе «сфабрикованный мнимый еврей». «Теперь кровь итальянского народа заразили антисемитизмом, и там он будет циркулировать и развиваться сам по себе» [19].

Ходили слухи, что евреи подбирают подставных лиц, стремясь сохранить, таким образом, контроль над изъятыми предприятиями, что они маскируют свой семейный бизнес под «анонимно-социальный» (или корпоративный), скрывая, тем самым, его принадлежность к еврейству. В данном случае мнимый еврей отождествлялся с анонимным капиталом, значит, он был связан с международными еврейскими финансовыми организациями. Так звучали вечные темы стандартного репертуара европейского антисемитизма.

Расистские законы были приняты в Италии после того, как «Хрустальная ночь» в Германии наглядно продемонстрировала суть расовой политики ее нового союзника. Тем не менее, в Италии не было ни погромов, ни принудительно навязанного ношения на одежде «звезд Давида, ни массовой мобилизации итальянцев на борьбу с евреями. Лозунгом дня стало «не преследование, а дискриминация». В некоторых городах, таких, как Триест, где подверглось разрушению еврейское имущество, партийные и государственные чиновники быстро отреагировали, приняв должные меры в отношении участников беспорядков. Несмотря на то, что расистские законы запрещали близкие отношения неевреев с евреями – тесную дружбу, смешанные браки и внебрачные связи, большинство итальянцев (даже фашисты) никогда не рассматривали евреев как низшую расу, подобно нацистам, которые гордились тем, что не пожизнили еврею руку.

Любовница Муссолини, еврейка Маргарита Сарфатти, была в двадцатые годы доминирующей фигурой фашистской культуры. Ее сын, Роберто Сарфатти, был самым молодым солдатом, награжденным золотой медалью в Первой мировой войне. После его смерти Муссолини написал трогательный некролог, опубликованный в газете «Пополо д'Италия». У Чиано, как и у Муссолини, до женитьбы на дочери дуче, Эдде, было несколько любовниц-евреек. Роберто Фариначчи, один из самых заметных поклонников немецкого расизма, пытался защищать своего секретаря, еврейку Фоа, которую потребовал уволить Муссолини. Показательно, что при этом последний ссылаясь на свой разрыв с Сарфатти – «умницей, фашисткой и матерью настоящего героя» [20].

Доклады разведки, представленные в Министерство внутренних дел, свидетельствовали, что общество Италии, не подготовленное к такой резкой смене оценок, не поверило, что небольшое еврейское население представляет реальную угрозу для страны, и испытывало отвращение к антисемитской кампании и связанному с ней преследованию тех, кто сочувствовал евреям. Вместе с тем, дискриминация евреев вызвала у значительной части граждан пассивность и молчаливое безразличие [21].

Конечно, безразличие предпочтительнее злого антисемитизма, но оно далеко не совпадает с последовавшим мифом о «хороших итальянцах», разумеется, если понятие «хороший» не адекватно «активно плохому». Как и большинство людей в подобных случаях, когда возникает необходимость сделать непростой этический выбор, итальянцы отреагировали на расистское законодательство 1938 г. цинично и корыстно. Они, правда, не включились в инициированное государством преследование евреев, но, в то же время, никак не поддержали своих соотечественников-евреев, не сделали ничего для отмены их дискриминации. Мало кто последовал примеру Кроче, отказавшемуся подписать формуляр, свидетельствующий о том, что в нем не течет еврейская кровь, или, если на то пошло, хоть колебался, прежде чем принять назначение на должность, согласно расистскому законодательству, освобожденную евреем.

Многие известные еврейские интеллектуалы, например, крупный специалист по античности Арнальдо Момильяно покинули страну. Энрико Ферми, получив в 1938 г. Нобелевскую премию по физике, после вручения ему награды, не вернулся в Италию, где его жену-еврейку ждали притеснения, а уехал в Соединенные Штаты. Среди выдающихся итальянских евреев, переехавших в США, было четыре будущих нобелевских лауреата. (Франко Модильяни, экономика; Эмилио Сегре, физика; Рита Леви-Монтальчини, медицина; Сальвадор Лурия, медицина). Учитывая, что Италия получила до сих пор всего тринадцать Нобелевских премий в области естественных наук и что четыре из них достались евреям того поколения, которое было вынуждено покинуть страну, не трудно прийти к выводу, что влияние антисемитской кампании на итальянскую науку было крайне разрушительным.

Это наглядно продемонстрировали также Джорджо Израэль и Пьетро Настаси в своей книге о науке и расовом вопросе в фашистской Италии [22]. Всемирно известные научные школы, такие как, например, кафедра математики в Римском университете, были опустошены, а «арийские» студенты лишились лучших еврейских профессоров – та-

ких как Вито Вольтерра, Туллио Леви-Чивита, Гвидо Кастельнуово и Федерико Энрикес, которых заменили очевидные посредственности.

Итальянские интеллектуалы и евреи после 1938 г.

По иронии судьбы, именно итальянская буржуазия, от лавочников до представителей свободных профессий, более всех выиграла от дискриминации евреев, которые были объявлены классовым врагом «пролетарской и фашистской Италии». Ни рабочие, ни крестьяне не имели ничего общего с кампанией против евреев и не играли никакой роли в этой грязной истории. Крестьяне, которые, как правило, ничего не знали о евреях, укрывали тысячи людей, бежавших из города в сельскую местность. В Центральном государственном архиве Италии хранятся папки, полные обычно анонимных писем от лавочников, обличающих евреев, негласно оставшихся в бизнесе, а также от студентов, жалующихся на то, что евреи под видом «арийцев» продолжают участвовать в конкурсных экзаменах на ограниченное количество рабочих мест.

В большинстве случаев речь может идти в этой связи не об антисемитизме, а об оппортунизме. Обратимся для примера к коллективному письму, написанному от имени группы, назвавшей себя «семейными и расистскими кандидатами, участвующими в университетских конкурсах». В нем первоначально разоблачаются «пресловутые евреи», скрывающие свое истинное происхождение. Затем в нем перечисляются «несемейные кандидаты», которые, по мнению авторов письма, не должны быть допущены к сдаче экзаменов, поскольку это противоречит демографическим требованиям, согласно которым должны поощряться не они, попирающие эти требования, а «взрослые семейные кандидаты». Письмо заканчивалось провозглашением верности закону, «который должен быть равен для всех, особенно при фашистском режиме, который является режимом власти и справедливости» [23].

Обращаясь к роли интеллектуалов, которые по роду профессии действовали в основном в публичной сфере распространения идей, мы сразу оказываемся в поистине кафкианском мире. Во-первых, все писатели, принимавшие участие в «антибуржуазной кампании», сами были выходцами из буржуазии. Во-вторых, большинство тех, кто атаковал тогда евреев, не были антисемитами по убеждению – ни до 1938 г., ни, если на то пошло, после июля 1943 г., тогда, когда Муссолини лишился власти. Два заметных исключения из последнего утверждения составляли Джованни Прециози и Телезио Интерланди; оба были заведомыми расистами с многолетним ста-

жем. Однако их известность была весьма ограничена. По большому счету ни один из них не проявил себя всерьез в культурной жизни Италии.

Центральной фигурой фашистской культуры был уже упоминавшийся выше Джузеппе Боттаи, тщательно отбиривший, финансировавший и опекавший в тридцатые годы перспективных интеллектуалов. Он был осью, вокруг которой вращалась практически вся культурная жизнь. Несмотря на то, что иногда его называли «фашистским Грамши», Боттаи был не глубоким мыслителем, а скорее «органичным интеллектуалом». Центральным для Грамши был политический вопрос, каким образом коммунистическая партия может создать новый правящий класс? Боттаи тоже рассматривал фашистскую партию как такую генерирующую силу. Как и Грамши, он смотрел на политику, как на сочетание принуждения и консенсуса, подчеркивая значение культуры в создании новой формы гегемонии. Грамши ценил вклад в идеологию, как традиционных интеллектуалов, так и марксистов. Концепция фашистской культуры Боттаи строилась на ставших подходящими аспектах традиции и, в то же время, включала в себя неортодоксальную и даже нефашистскую культуру. То, что фашистская культура не стала догматически монохромной и что она сохранила в какой-то мере динамизм, разнообразие и плюрализм, заслуга Боттаи в большей степени, чем какого бы то ни было другого фашистского лидера.

Принятие Боттаи расизма пока еще не нашло приемлемого объяснения в посвященной ему обширной литературе. Начиная с юношеских лет, проведенных в знаменитом «Классическом лицее Тассо» в Риме, и вплоть до 1938 г., его окружали друзья-евреи, и никакой шлейф антисемитизма за ним не тянулся. Соучредитель его журнала «Критика Фашиста» Джино Модильяни, как и некоторые его лучшие друзья и соратники (например, Энрико Рокка и Джино Ариас), были евреями. На протяжении 20-х гг. у Боттаи были очень теплые отношения с еврейкой Маргаритой Сарфатти, любовницей Муссолини, страстной поборницей модернизма. Не будучи антисемитом по воспитанию или твердым убеждениям, он, возможно, после 1937 г. убедился, что фашизм уже зашел в тупик, и не чем иным, как запоздалой антропологической революцией Муссолини, спасти режим невозможно. В 1938 г. Боттаи полностью принял позицию Муссолини в отношении евреев и впервые начал писать антисемитские статьи, превратив журнал «Критика Фашиста», который никогда раньше не публиковал антисемитских материалов, в одну из самых влиятельных площадок кампании против евреев, по крайней мере, на протяжении последующих полутора лет.

Хотя многие интеллектуалы впоследствии утверждали, что кампания против евреев положила начало их разрыву с фашизмом, те из них, кто после войны превратились в значимых персон, на самом деле весьма активно сотрудничали с Боттаи и после 1938 года. Евреи, как уже отмечалось, составляли семь процентов университетских преподавателей Италии и их изгнание создало тысячи вакансий в университетах и в связанных с ними культурных учреждениях. Боттаи заполнял сотни из них лично, минуя традиционную конкурсную систему, причем часто теми, у кого не было необходимой академической подготовки и научных степеней, на основании «признанных культурных достижений». И определяли эти достижения не традиционные и автономные коллегиальные органы, а сам Боттаи. Среди получателей таких должностей были и те, кто стали впоследствии коммунистами, например, Альфонсо Гатто и Сальваторе Квазимодо.

Из всех итальянцев интеллектуалы были, возможно, самыми большими оппортунистами и трусами. Они вели себя так, будто расистское законодательство возникло однажды само по себе, будто оно было чем-то сторонним по отношению к ним и их миру, будто его можно рассматривать, как некое стихийное бедствие. Практически у всех них были друзья и коллеги-евреи. С некоторыми они вместе участвовали в конкурсах. Тем не менее, не проявляли солидарности с евреями и не принимали участия в актах протеста. В их дневниках или в более поздних работах не содержится достаточно серьезных размышлений о кампании против евреев и о том влиянии, которое она оказывала на культурную и научную жизнь Италии [24].

До недавнего времени было мало научных работ, посвященных фашистскому прошлому итальянских интеллектуалов. Исключение составляет первопроходческая книга Миреллы Серри (2005), проделавшей превосходную работу, рассмотрев роль этих интеллектуалов не как отдельных лиц, а как группы. Мы обнаружим в ней, что знаменитый философ-марксист Гальвано Делла Вольпе в 1940 г. описывал, как красиво прокатились по улицам Кале немецкие танки; как высоко он ценил «славный гуманизм» Гете, Ницше и Муссолини и сокрушался по поводу того, насколько глубоко извратили евреи современную научную мысль. Знаменитый археолог Рануччо Бьянки Бандинелли, ставший впоследствии коммунистом и директором «Института Грамши», был сфотографирован в 1938 г. при полных фашистских регалиях, сопровождая Муссолини и Гитлера во время визита последнего в Италию. В злобном духе были выдержаны антисемитские статьи, написанные известным журналистом Джорджо Бокка и

будущим премьер-министром Италии Джованни Спадаolini. Возможно, все они тогда были слишком молоды и амбициозны, чтобы поступить по-иному. Позже, когда их тогдашние высказывания стали известны, они, вместо того, чтобы откровенно признать то, что было, отделались риторическим вопросом: к чему, де, ворошить теперь прошлое? [25].

Объем данной статьи не позволяет привести ссылки на множество других антисемитских статей, появлявшихся в «Критика Фашиста» и в журналах ГУФ, например, в «Рим Фашизма».

Как показывает Серри, многие из «фашистских» интеллектуалов после войны «получили искупление» и «переродились», в основном, благодаря близости к КПИ. Подобное отпущение грехов было платой за тот потенциальный вклад, который могли внести эти критики, режиссеры, ученые и журналисты в дело формирования политической и культурной гегемонии коммунистической партии. Фашистская гегемония позорно рухнула, а альтернативная, антифашистская идеология только еще формулировалась. Коммунисты были почти полностью изолированы во времена фашизма. На первых послевоенных выборах их обходили христианские демократы и социалисты. Под руководством Пальмиро Тольятти КПИ стремилась стать массовой партией. Агрессивно карательные меры в отношении бывших фашистов могли оттолкнуть большинство итальянских избирателей, многие из которых, конечно, имели давнее фашистское прошлое. Тольятти стремился к тому, чтобы как можно больше таких людей «выздоровели». Партия нуждалась в интенсивном расширении своей базы. Поэтому, считал он, ей не следует закрывать перед ними свои двери.

К тому же после окончания войны фашистская политика в отношении евреев была весьма щекотливой темой. И не только потому, что ранняя стадия дискриминации евреев (1938–1943 гг.), оправданно или нет, но стала бы рассматриваться в едином контексте с нацистским истреблением евреев, но и потому, что подобное обращение с евреями легло самым уродливым пятном на фашистское прошлое. В отличие от Германии и Японии, Италия к концу войны, сменив правительство Муссолини на правительство Бадольо, стала уже не врагом, но союзником шедшей к победе коалиции. Поэтому на нее не было оказано внешнего давления в целях создания трибунала по делам о военных преступлениях или в интересах широкой дефашизации. Был сформулирован лишь некоторый внутренний запрос на серьезную конфронтацию с фашистским прошлым. Между тем, его острота была приглушена тем, что после болезненной гражданской войны самым насущным императивом для страны стала проблема национального единства.

В то время мало кто, особенно в кругах интеллектуалов, хотел вспоминать о своем прошлом, особенно, о том, что происходило с евреями с 1938 по 1943 гг. Это относилось, прежде всего, к «получившим искупление» интеллектуалам-антифашистам, поскольку любое общественное обсуждение расистской кампании обязательно высветило бы их сотрудничество с режимом, которое они пытались скрыть и надеялись забыть. Можно даже сказать, что общее молчание о случившемся было непомерной ценой, заплаченной итальянскими евреями за это «искупление».

Реинтеграция евреев в общественную жизнь Италии была невероятно долгой и трудной (последний расистский закон был отменен только в 1987 г.). Особенно сложно было вернуть потерянные собственность и рабочие места. Когда евреи пытались возвратиться на университетские должности, они сталкивались с отсутствием особого великодушия и понимания. Как констатировал один из лучших специалистов по этому вопросу Роберто Финци, евреев переводили из статуса жертв в статус узурпаторов [26].

Иногда ход событий приобретал абсурдный характер. В некоторых случаях известные еврейские преподаватели, восстановленные после войны на своих прежних педагогических должностях, вновь увольнялись за то, что некогда были фашистами. Это, например, произошло с известным биологом Туллио Терни и философом права Джорджо Дель Веккио. При этом почти никто из университетских профессоров-неевреев, которые были фашистами (практически ими была вся профессура), подобному обращению не подвергался. Чаще всего они стали выступать как антифашисты, ни разу от фашизма не отрекаясь.

Если не считать нескольких примечательных статей в «Иль Понте», до выхода в 1965 г. книги Ренцо Де Феличе о том, что происходило в Италии с евреями, и, прежде всего, о их трудной реинтеграции, до 80-х гг. не было написано ничего существенного. Евреи, пережившие войну, были слишком травмированы, чтобы возвращаться к этой теме. Именно поэтому еврейская община обратилась с просьбой к Де Феличе написать историю евреев, предоставив ему неограниченный доступ к их архивным материалам.

Не приходится удивляться и тому, что на эту тему не было написано никаких докторских диссертаций. Университетские профессора, получившие свои должности в годы господства фашистов, не проявляли особой охоты брать на себя руководство исследованиями такой деликатной темы. Даже те из них, кто не были антисемитами и не принимали уча-

ствия в изгнании своих еврейских коллег, получали косвенную выгоду от отсутствия высококвалифицированных коллег-евреев в ходе конкуренции за дефицитные университетские вакансии. Показательно, что диссертации на эту тему, как и несколько прекрасных научных монографий, появились только после того, как старых профессоров сменило новое поколение.

Что же касается интеллектуалов, искупивших «ошибки прошлого», а ныне известных антифашистов, то они отнесли евреев к весьма размытой и удобной категории жертв фашизма. Об особенности трагедии еврейства старались не говорить, даже тогда, когда речь шла о печально известных концлагерях.

Базирующееся в Турине престижное издательство «Энауди», тесно сотрудничавшее во времена фашизма с Боттаи, а затем сразу после войны непосредственно связанное с КПИ, первоначально отклонило рукопись книги *«Пережившие Освенцим»*, хотя ее автор Примо Леви был родом из Турина и близким другом некоторых редакторов. Это были времена сталинского антисемитизма, реализовавшиеся как в акциях в Советском Союзе, так и в показательных процессах в восточноевропейских государствах.

Кстати, руководство «Энауди» не испытывало угрызений совести, пригласив в 1949 г. в качестве консультанта и переводчика для работы над серией книг по религии и этнографии Джулио Коньи — широко известного сторонника германской («нордической») расовой теории. Книга Коньи «Иль Рацизмо», вышедшая в 1936 г., была одним из наиболее расхожих сборников текстов о расизме, публикация которых предшествовала кампании против евреев [27].

Комментируя получивший высокую оценку вышедший в 1981 г. документальный фильм «Аль армии сиам фашти», созданный тремя режиссерами левой ориентации (Лино Дель Фра, Сесилией Манджини и Лино Миккике), Джорджо Израэль отмечал, в частности, что в нем нет ни одной ссылки на расистские законы 1938 г. и что истощенные заключенные концлагеря лишь мельком идентифицируются именно как евреи [28]. Закадровый текст в ортодоксальной марксистской манере трансформирует расовую ненависть к евреям, в общую форму классовой ненависти, свойственной фашистским режимам, как бы говоря, что расизм, по существу, является классовым феноменом.

В свою очередь Кроче, героически защищавший евреев на протяжении всего фашистского периода, в 1947 г. призвал евреев отречься от своей особенности и полностью ассимилироваться в итальянское общество, чтобы нивелировать те различия, которые послужили предлогом для преследований

в прошлом, а, возможно, и в будущем. Как отмечал в этой связи Арнальдо Момильяно, только полным незнанием еврейской культуры можно объяснить то, как интеллектуал уровня Кроче мог себе представить, что евреи откажутся от своего права и даже морального долга оставаться евреями. Более того Кроче, никогда не обратился бы с подобным призывом ни к католикам, ни к представителям любой другой религии, этнической группы или политической партии [29].

Что же касается неоднозначной и амбивалентной позиции по отношению к евреям Ватикана (темы, слишком сложной, чтобы рассматривать ее в данной статье), то следует напомнить, что, в то время как военные и другие круги США оказывали давление на правительство Бадольо с целью немедленной и полной отмены фашистских расистских законов, Ватикан призвал внести в них лишь некоторые конкретные изменения, от которых выиграли бы только те евреи, которые приняли католицизм. Как рассказывал отец Пьетро Такки Вентури государственному секретарю Ватикана кардиналу Луиджи Мальони 29 августа 1943 г., он в своих отношениях с правительством Бадольо «никогда не ссылался на необходимость полной отмены законов, которые, в соответствии с принципами и традицией католической церкви, содержат некоторые положения и должны быть отменены, но содержат также и другие положения, достойные утверждения» [30].

Какой же посыл был направлен итальянским евреям, пережившим Холокост, если величайший представитель либерализма призвал их к полной ассимиляции, если марксисты (в том числе еврейского происхождения) посчитали, что их особые потребности и интересы не имеют значения, и если церковь продолжала ставить под вопрос легитимность их свобод и полного равенства?

Со временем еврейская община вновь обрела чувство уверенности, а ее разорванные отношения с итальянским обществом стали налаживаться. Как и в других европейских странах, Италия сейчас отмечает «День памяти», хотя изучение дискуссий, предшествовавших его официальному утверждению, свидетельствует о согласованных попытках интернационализации поминовения, универсальным символом которого стал Освенцим. Не случайно, «День памяти» отмечается 27 января, в день освобождения Освенцима, а не в тот день, который имел бы четкое итальянское содержание, как это первоначально предлагал Фурио Коломбо, главный сторонник законопроекта (например, в день, когда были приняты первые расистские законы, или в день, когда евреи Рима были согнаны для депортации). Дважды в законе место страданий жертв Хо-

локоста идентифицируется просто как «нацистские лагеря» без ссылки на коллаборационистские отношения Италии с Германией или на созданные на итальянской земле лагеря, которые служили базой для депортации евреев.

Во время состоявшихся дискуссий Лючио Коллетти (известный философ-марксист и ученик Делла Вольпе, впоследствии ставший антикоммунистом) даже спросил оппонента, почему достойны памяти только жертвы Холокоста, а не жертвы коммунизма [31]. Время от времени подобная трактовка трагических страниц истории странным образом продолжает всплывать на поверхность. Например, в 1995 г. левый мэр Рима Франческо Рутелли объявил о своем намерении назвать улицу или площадь именем Боттаи в знак признания его вклада в итальянскую культуру. Рутелли уступил лишь тогда, когда еврейская община Рима, наряду с другими оппонентами, напомнила ему, что вклад Боттаи в культуру включал в себя полное отстранение от нее евреев, исключение преподавателей и студентов евреев из государственных школ, изъятие книг еврейских авторов из публичных библиотек. Аналогичных позиций придерживаются и некоторые другие сторонники левого крыла (например, Дуччо Тромбадори), чья любовь к Боттаи была настолько велика, что в полемике против Миреллы Серри, которая, по их мнению, сделала чрезмерный акцент на роли Боттаи в повороте к расизму в 1938 г., они напомнили о его воспитании и защите молодых интеллектуалов, прошедших путь от фашизма к антифашизму.

В течение последнего десятилетия в книгах и фильмах, как никогда прежде, уделяется большое внимание тому, что случилось с итальянскими евреями. Если бы эта тема прозвучала так отчетливо раньше, возможно, общественный резонанс был бы иным.

Примечания:

1. *Mayda, G.* Ebrei sotto Salò. – Milan, 1978. – P. 141.
2. *Amendola, G.* (*Melograni, P.* – interviewer). Intervista sul'antifascismo. – Bari, 1994. – P. 94, 152-154.
3. В номере от 21 июня 1992 г. журнала «Панорама» Джорджо Фабре опубликовал раболопное письмо, которое Боббио написал Муссолини в 1935 г., заверяя диктатора в преданности своей семье фашизму. В нем он указал свое членство в ГУФ и подтвердил свою веру в фашизм. Боббио опасался, что его академическая карьера окажется под угрозой из-за ареста, вызванного участием в группе Справедливости и свободы. Разоблачение Фабре сразу же повлекло за собой полемику вокруг Боббио и, в частности, того факта, что Боббио утаил свое фашистское прошлое. Боббио с образцовой честностью описал это дело в автобиографии, опубликованной в 1997 г., и в нескольких интервью. Особенно стоит отметить интервью, напечатанное в «Иль Фолио» 12 ноября 1999 г. Отвечая на вопрос, почему он никогда не упоминал о своем фашистском прошлом, Боббио неоднократно использовал слово *vergonia* (стыд). Примерно в то же самое время всплыло фашистское прошлое Эудженио Скальфари, редактора независимой левой газеты «Ля Республика», еще одного интеллектуала левых взглядов. Скальфари играл важную роль в римском журнале ГУФ «Рома Фашиста», который публиковал некоторые из худших антисемитских статей во время кампании против евреев (сам Скальфари их не писал). Скальфари тоже будет потом неоднократно использовать слово *vergonia* в своих интервью, размышляя об этом периоде итальянской истории и своей роли в ней. О Банфи см.: *Serri, M.* I Redenti. – Milan, 2005.
4. *Stone, M.* The Patron State. – Princeton, 1998.
5. *Koon, T.H.* Believe, Obey, Fight: Political Socialization of Youth in Fascist Italy. – Chapel Hill, 1985. – P. 190.
6. *Grandi, A.* I giovani di Mussolini. – Milan, 2001.
7. Оригинальный текст на итальянском языке можно найти в: *Grieco, B.* Un partito non stalinista. – Venice, 2004. Английский перевод этого замечательного документа см. *Telos*. – 2006. – No. 133, – P. 11-12, 131-149. Этот специальный выпуск журнала *Telos* под совместной редакцией Франклина Адлера и Данило Бресчи, целиком посвящен новым исследованиям итальянского фашизма.
8. *Grandi, A.* Op. cit. – P. 82-87.
9. *Voigt, K.* Le scuole dei profughi in Italia // *Storia contemporanea*. – 1988. – Vol. 19, No. 6. – P. 1153-1188.
10. См., напр.: *Gentile, E.* Il mito dello Stato nuovo; dal radicalismo nazionale al fascismo. – Rome, 1999; *Idem.* La Grande Italia. – Milan, 1999.
11. На мой взгляд, лучшая общая оценка непоследовательных и противоречивых взглядов Муссолини по еврейскому вопросу содержится в первой главе книги: *Mayda, G.* Op. cit. – P. 9-24.
12. *Smith, D.M.* Modern Italy. – New Haven, 1997. – P. 388.
13. По поводу общественного мнения см.: *Colarizi, S.* L'Opinione degli italiani sotto il regime 1929-1943. – Bari, 2000.
14. *Amendola, G.* Op. cit. – P. 106-107.
15. Текст речи Муссолини воспроизводится в: *Preti, L.* Impero fascista, africani ed ebrei. – Milan, 1968. – P. 285-296.
16. *Bottai, G.* Diario 1935-44. – Milan, 2001. – P. 237; *Ciano, G.* Diario 1937-43. – Milan, 2000. – P. 486.
17. Цит. по: *De Felice, R.* The Jews in Fascist Italy. – New York, 2001. – P. 381-382; *Idem.* Mussolini il duce: Lo Stato Totalitario. – Turin, 1981. – P. 260-261
18. О разных и зачастую противоречащих друг другу интерпретациях фашистской расистской теории см.: *Gillette, A.* Racial Theories in Fascist Italy. – London, 2002.
19. Цит. по: *De Felice, R.* Op. cit. – P. 290.
20. Цит. по: *Bottai, G.* Op. cit. – P. 134.

21. Colarizi, S. Op. cit. – P. 242-261.
22. Israel, G.; Nastasi, P. Scienza e razza nell Italia fascista. – Bologna, 1998.
23. Ministero dell'Interno, Divisione Generale per la Demografia e Razza, Affari Diversi, 1938, B.2, F6. Английский перевод этого документа опубликован в журнале Telos (op. cit.). – P. 175.
24. Стоило начать расистской кампании, как, по причинам чисто оппортунистическим, некоторые молодые интеллектуалы начали писать особенно отвратительные антисемитские статьи, несмотря на их тесные дружеские отношения с евреями. Гвидо Пьовене, который впоследствии стал одним из важнейших писателей Италии, самым грубым образом отзывался о евреях и еврейской культуре, хотя сам был тесно связан с коллегами-евреями со времен своих миланских университетских дней. Его лучшим другом был Эудженио Колорни, социалист-еврей, заключенный в тюрьму в 1938 г. за оппозиционную деятельность; Эудженио Колорни погиб в Сопротивлении в мае 1944 г. Пьовене, в своем материале «Corriere della Sera» от 1 ноября 1938 г. засыпал похвалами статью Телезио Интерланди «Contra judeos», соглашаясь с автором, что евреи всегда являются врагами любой принимающей их страны, которую они затем используют в своих корыстных интересах. Пьовене написал это менее чем через неделю после ареста своего его еврейского друга Колорни. После войны Пьовене «получил искупление» и приблизился к ИКП, благодаря *perdonismo* Тольятти. Об отношениях между Пьовене и Колорни см.: Gerbi, S. Tempi di malafede. – Turin, 1999.
25. Взгляды Бокка, Спадолини и многих других рассматриваются в работе: Battista, P. Cancellare le tracce: il caso Grass e il silenzio degli intellettuali italiani dopo il fascismo. – Milan, 2007.
26. См.: Il difficile rientro. Il ritorno dei docenti ebrei nell'universita del dopoguerra / Ed. D. Gagliani. – Bologna, 2004.
27. Serri, M. I Redenti. – Milan, 2005. – P. 260-262.
28. Israel, G. Redeemed Intellectuals and Italian Jews // Telos. – 2007. – No. 139. Это эссе было частью специального раздела, озаглавленного «Фашистское прошлое итальянских интеллектуалов», куда вошли также статьи, написанные Franklin Adler, Mirella Serri, и Ruth Ben-Ghiat.
29. Momigliano, A. Pagine ebraiche. – Turin, 1987. – P. 147.
30. Цит. по: Zuccotti, S. Under His Very Windows. – New Haven, 2002. – P. 139.
31. Великолепный анализ представлен в статье: Gordon, R.S.C. The Holocaust in Italian Collective Memory: Il giorno della memoria, 27 January 2001 // Modern Italy. – 2006. – Vol. 11, No. 2.

